

УДК 070

EDN [ENSMRM](#)

DOI [10.17150/2308-6203.2022.11\(3\).429-452](#)

Научная статья

Социальный конфликт в отечественных медиаисследованиях: эмпирический анализ дискурса научных журналов (2014–2021)

Вартанова Е.Л. , Асланов И.А. , Гладкова А.А. , Дунас Д.В.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Дунас Д.В., dunas.denis@smi.msu.ru

Аннотация. Социальный конфликт — одно из ключевых понятий в отечественных науках, которое, однако, не имеет четких и общепринятых определений. Целью статьи является выяснение основных тем исследования конфликта в отечественных медиаисследованиях и определение их места в контексте общей проблематики конфликтологии. Анализируется термин «социальный конфликт» в понимании отечественных медиаисследователей, типы эмпирических объектов, включенных в данную категорию. Делается попытка категоризации и теоретического осмысления данных объектов в контексте российской академической традиции и изучения конфликтов в медийном аспекте. На материале контент-анализа публикаций российских авторов в период 2014–2021 гг. в отечественных академических журналах сделан вывод о существовании в дискурсе отечественных медиаисследователей восьми типов конфликта, а также четырех тематических блоков, которые в совокупности и формируют структуру дискурса исследований медиа и конфликтов. Так, можно выделить несколько основных векторов научного поиска в данной области: стратегии репрезентации конфликта в медиасреде, оценка влияния медиа на конфликт, технологии медиавоздействия и теоретико-методологические подходы к изучению конфликтов в медиа. Анализ изучаемой проблематики, применяемых методов и теорий позволяет заключить, что научный дискурс вокруг вопросов о взаимодействии и взаимовлиянии медиа и конфликтов на сегодняшний день не оформлен в единую систему, ученые ограничиваются рассмотрением отдельных сторон явления, наблюдается эклектика методологий и исследовательских процедур. В то же время явная междисциплинарность исследовательского поля в сфере изучения медиатизации конфликтов обуславливает его потенциал для превращения в самостоятельную область, не только интегрирующую конфликтологию и теорию журналистики, но также гармонично сочетающую подходы из смежных областей, таких как медиалингвистика, социология аудитории, социальная психология. В рамках такой интегральной парадигмы возможен всесторонний анализ репрезентации социального конфликта в современных медиа с учетом их влияния на динамику данного конфликта на каждом этапе его «жизненного цикла».

Ключевые слова. Медиа, социальный конфликт, медиарепрезентация, контент-анализ, медиаисследования и конфликтология.

Финансирование. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00225).

Информация о статье. Дата поступления 20 июля 2022 г.; дата поступления после доработки 15 августа 2022 г.; дата принятия к печати 28 августа 2022 г.; дата онлайн-размещения 16 октября 2022 г.

Original article

Social Conflict in Russian Media Studies: An Empirical Analysis of the Discourse of Academic Journals (2014–2021)

Elena L. Vartanova , Ivan A. Aslanov , Anna A. Gladkova , Denis V. Dunas

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Corresponding author: Denis V. Dunas, dunas.denis@smi.msu.ru

Abstract. Social conflict is one of the key concepts for social studies, which, however, does not have generally accepted definitions. The purpose of the article is to clarify the main topics of conflict research in Russian media studies and determine their place within the context of the conflictology. We attempted to categorize and theoretically define these objects within the context of the Russian academic tradition, based on the content analysis of articles by Russian authors published in 2014–2021. As a result, eight types of conflict were described, as well as four thematic blocks were found, which together form the structure of the discourse of media and conflict studies. Thus, it is possible to identify several main vectors of scientific research in this field: strategies of conflict representation in the media, assessment of the impact of media on conflict, technologies of media influence and theoretical and methodological approaches to the study of conflict and media interaction. The study found that the field is currently not a unified system.

However, the interdisciplinarity of the research field determines its potential to become an independent field of studies that integrate conflictology and journalism theory, as well as media linguistics, sociology of audience, and social psychology. Such an integrated paradigm makes it possible to analyze the representation of social conflict in the contemporary media taking into account their influence on the dynamics of this conflict at every stage of its "life cycle".

Keywords. Media, social conflict, content analysis, media studies and conflictology.

Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project no. 22-18-00225).

Article info. Received July 20, 2022; revised August 15, 2022; accepted August 28, 2022; available online October 16, 2022.

Социальный конфликт в современном научном дискурсе

Социальный конфликт — один из основных драйверов социальных трансформаций, «объективное» вы-

ражение существующих социальных противоречий, о чем так или иначе говорили большинство классиков, изучавших социальную динамику [1; 2]. Один из ведущих социологов, исследовавших феномен социального

конфликта Р. Дарендорф, указывал, что источником социального конфликта является неравенство [3]. Социальный конфликт возникает из социальной структуры и противоречий, порождаемых асимметричным распределением власти и ресурсов, он имманентно присущ любой социальной системе [4]. В современной конфликтологии все чаще конфликт рассматривается в более широком смысле, как противоборство нескольких субъектов, осознающих противоположность своих целей и интересов, несовместимость их друг с другом. В этой связи изучение роли медиа в конфликте и форматов их деятельности, прежде всего репрезентаций самого конфликта, способствует не только развитию медиаисследований, но и самой конфликтологии.

С одной стороны, именно медиа являются агентом, конструирующим образ конкретного социального конфликта в массовом сознании [5]. С другой — несомненно, что, репрезентируя конфликт, они также и трансформируют его [6], зачастую усиливая [7] или уменьшая [8] противостояния субъектов конфликта.

Классические труды в области отечественной социологии и конфликтологии говорят о том, что социальный конфликт возникает в результате разрыва социальных связей [9]. Таким образом, медиа как пространство поиска консенсуса, понимаемого как «привычка к взаимной коммуникации» [10] может превращаться в фактор дисгармонизации общественного диалога, когда каждая сторона конфликта оказывается запертой в собственной эхо-камере [11]. Внешние же группы, вместо того чтобы выступать в

качестве позитивных референтов [12], демонизируются. Своеобразная «спираль поляризации» делает невозможным принятие решений в рамках «культуры компромисса», являющейся, по мнению А.Г. Здравомыслова, залогом к разрешению социальных противоречий в европейских обществах [13].

В таких условиях, когда структура медиапространства определяет логику ведения дискуссии и динамику социального конфликта, конструктивные функции такого конфликта, о которых пишут классики социологии и конфликтологии [14], его способность стимулировать социальную самоорганизацию в борьбе за групповые интересы [15] могут редуцироваться. В связи с этим важнейшей задачей представляется анализ ролей и функций медиа в условиях социального конфликта.

Теория медиа рассматривает роль СМИ в социальных конфликтах как многоаспектную и многоплановую. Представляется, что исходной «нейтральной» точкой отсчета здесь является положение о том, что медиа должны оставаться сторонним наблюдателем в процессе социального конфликта, стремиться к объективности: теория социальной ответственности напрямую заявляет, что СМИ имеют социальные обязательства перед обществом, их долг — объективное, непредвзятое информирование граждан об общественно-значимых событиях [16]. Современные исследователи отмечают, что при актуальном уровне медиатизации социальных процессов медиа все сложнее дистанцироваться от конфликта, избежать собственного влияния на его развитие и потенциальную эскалацию [17].

Следуя критической традиции, часть медиаисследователей описывают СМИ как инструмент подавления или катализации социальных конфликтов, и репрезентация социального конфликта возникает как результат властных отношений, поскольку СМИ влияют на то, как в обществе распределяются ресурсы [18, с. 163]. Таким образом, СМИ могут рассматриваться как агенты, действующие в интересах определенных бенефициаров, а различные «предубеждения» или искажения, наблюдаемые в содержании СМИ, вытекают не из приверженности конкретных журналистов разным политическим идеологиям, а потому, что массмедиа могут использоваться для контроля политического нарратива. При определенных обстоятельствах, применяя специфический набор риторических и выразительных средств, медиа превращаются в инициаторов конфликта, намеренно изображая некоторые события как конфликты, используя так называемый «фрейм» конфликта [19].

В то же время со стороны других, в основном, нормативных теорий существует запрос на анализ медиа в конфликте в роли модератора и «терапевта». Такие подходы к концептуализации роли СМИ в социальном конфликте формируют логику, «при которой медиа, граждане, органы власти должны не выступать участниками конфликта, а способствовать его урегулированию» [6, с. 19]. Это согласуется с представлением о массмедиа как о площадке для публичной дискуссии, призванной освещать и гармонизировать различные мнения и интересы в соответствии с моральными принципами [20]. Данная функция СМИ особенно

важна в период обострения социальных конфликтов, которые провоцируют распространение чувства страха, ощущения неопределенности. В таких условиях граждане становятся крайне зависимы от информации, получаемой из медиа, так они полагаются на нее для построения непротиворечивой картины реальности и снижения тревоги [21], в том числе за счет восприятия новых социальных представлений, формирующих содержание «здорового смысла» [22].

Развивая в нормативном ключе идеи об участии медиа в конфликте, некоторые теории предлагают СМИ не только выполнять функцию медиации и гармонизации, но занимать более активную позицию, напрямую включаясь в разрешение социальных противоречий. Так, медиа могут способствовать гармонизации в период пандемии и порождаемых ей социальных конфликтов [23; 24], или, например, снижать уровень ксенофобии, более осознанно и ответственно выбирая язык для освещения конфликтов с участием национальных меньшинств [25]. Идеи такого рода оформились в концепциях конструктивной журналистики (*constructive journalism*) [26] и журналистики решений (*solution journalism*).

Обе «парадигмы» журналистской деятельности, схожие между собой до степени смешения (там же), предполагают, что СМИ не должны концентрироваться на освещении социальных конфликтов и противоречий как таковых — вместо этого им необходимо искать причины существующих проблем и предлагать их решение [27]. Так как данный подход тесно связан с принципами позитивной психологии [28],

важное место в его изучении занимают исследования эффектов такой коммуникации [29]. Отдельный значительный пласт работ посвящен трансформации журналистских практик и особенностям профессиональной деятельности журналиста в условиях конфликтов, в том числе внутривластных [30].

Одним из ключевых вопросов в теоретическом осмыслении медиа и конфликта, является вопрос о последствиях коммуникации и эффектах медиавоздействия на аудиторию. Оказывается ли аудитория пассивной жертвой фрейминга и манипуляций, либо она включается в предлагаемые журналистами решения? С точки зрения дискурса исследований медиа, ответ на эти вопросы может дать анализ аудитории и эффектов коммуникации. Однако, как показывают различные работы [31, с. 102], для отечественной науки о медиа характерно прежде всего внимание к текстам в СМИ как таковым. В связи с этим, анализ предметного поля работ, изучающих социальный конфликт через оптику медиаисследований, представляется нам необходимой задачей, решение которой позволит проявить существующие в этой области лакуны.

С другой стороны, в современных условиях, когда усложняется природа социального конфликта, который становится медиатизированным (см., например, [7]), а репертуар ролей, доступных СМИ и платформам в ситуации конфликта, диверсифицируется [32], актуализируется вопрос о том, как и какие именно виды конфликтов могут быть репрезентированы в медиа. При этом очевидно, что ответ на этот вопрос будет зависеть от той

категориальной системы, которую выбирает сообщество медиаисследователей для «классификации» всего содержательного многообразия медиасферы.

Частично попытка реконструкции такой системы на материале наиболее заметных научных публикаций предпринималась российскими исследователями ранее, применительно к многообразию типов конфликта — политического, экономического и другим [33], а также к конфликтам конкретного типа, например, межэтническим [34]. В данной статье мы детально проанализируем массив отечественных научных работ, изучающих медиарепрезентацию социальных конфликтов и их типологию, с тем чтобы выявить, что сами ученые понимают под «конфликтом», обращаясь к медиаконтенту. При этом, учитывая возможность построения типологии социальных конфликтов [3; 14] и их движущих сил [13] по многочисленным основаниям, здесь мы не говорим о конструировании исчерпывающей типологии как таковой, а скорее о своеобразной индуктивной «инвентаризации» социальных конфликтов, как их понимают медиаисследователи, акцентируя внимания на необходимости дальнейших исследований в данной области.

Методология исследования

В рамках исследования нами был проведен контент-анализ публикаций за период 2014–2021 гг. в журналах из списков ВАК, WoS, RSCI. Поиск осуществлялся вручную, по ключевым словам «медиа», «СМИ», «конфликт» и их комбинациям в мае 2022 г. В силу пилотного характера исследования и его цели

проследить динамику отечественного научного дискурса на тему роли СМИ в репрезентации социального конфликта, анализ публикаций проводился на данном этапе только на русском языке: другие языки, в частности английский, на котором опубликован большой пласт работ на тему конфликта в зарубежных академических журналах, нами на данном этапе работы из выборки были исключены.

По итогам первичного отбора публикаций мы получили выборку из 128 научных статей, которые мы разделили на четыре ключевых тематических блока (см. табл. 1).

Распределение тематических блоков, как можно заметить, примерно пропорциональное (около 30 % от общего числа статей), кроме последнего, теоретического блока, который является сравнительно немногочисленным (7,8 %).

Отметим, что в ряде случаев это деление условно: одна и та же статья может принадлежать к нескольким тематическим блокам в зависимости от ключевой проблемы, затрагиваемой в публикации, и специфики ее репрезентации, поэтому в определенном смысле это деление относительно.

Отдельное внимание в ходе анализа публикаций было уделено изучению и систематизации типов конфликта, упоминания о которых присутствуют в научных статьях, а также методам и инструментам анализа конфликта в рамках исследований. Мы полагаем, что полученные результаты позволят составить целостное представление о репрезентации социального конфликта в современном российском научном дискурсе и в дальнейшем, за счет расширения выборки и научных изданий, в том числе на английском

Таблица 1 / Table 1

Тематические блоки отечественных исследований медиарепрезентации конфликта (N = 128)*

Topics of Domestic Research on Media Representation of the Conflict (N = 128)

Основной фокус внимания исследователей / The Main Focus of Research	Содержание статей блока / Content of Articles	Число публикаций, в ед. / Number of Publications, in Units	Процент от общего числа публикаций, % / Percentage of the Total Number of Publications, %
Медиаконтент / Media Content	Стратегии репрезентации конфликта в медиасреде	44	33,6
Роли медиа / Media Roles	Оценка влияния медиа на конфликт	38	29,7
Медиалингвистика / Medialinguistics	Технологии медиавоздействия	36	28,9
Концептуализация / Conceptualization	Теоретико-методологические подходы к изучению конфликтов в медиа	10	7,8

* Составлена авторами. 2020.

языке, сформировать комплексное понимание динамики развития конфликта как актуальной научной темы в России и за рубежом.

Структура отечественного дискурса исследований темы конфликта и медиа

Первым тематическим блоком (33,6 % от общего числа статей), который был выявлен по итогам контент-анализа публикаций, являются публикации на тему стратегий репрезентации конфликта в медиасреде. В рамках исследований данной группы анализируются эффективность стратегии, степень достоверности и объективности репрезентации социального конфликта; тематическая направленность, жанры, тональность, семантическое поле публикаций в СМИ на тему конфликта; дискурсивные стратегии в социальных сетях и другие вопросы. Авторы обращаются к исследованию практик зарубежных массмедиа, освещающих конфликты и кризисы разного уровня и масштаба: глобальные, международные, региональные, локальные [35]; анализируют подходы к освещению «крымской» тематики в российско-украинском кризисе в американских и российских СМИ [36]; делают выводы о том, как часто новости, в основе которых лежит конфликт, попадают в повестку дня российских информационных агентств ТАСС и «Интерфакс» [37].

В рамках данного блока многие авторы ориентируются на принципы теории социальной ответственности, зачастую понимая объективность как соответствие/несоответствие ряду социальных обязательств, которые возлагают на себя СМИ [16], а «эффективность» — как степень

достижения объективности. В первую очередь медиа не влияют на конфликт и не участвуют в нем, но репрезентируют конфликт как часть объективной социальной реальности, и потому категория достоверности, а также практики отбора информации оказываются в центре внимания исследователей. Интересен также свойственный ряду статей из данного тематического блока «медиагеографический подход к анализу медиареальности» [35, с. 684], в рамках которого авторы исследуют взаимосвязи медиа и пространств в различных их формах и на различных уровнях (личность, общество, государство); модели поведения медиа в конструировании пространства; роль и место медиа в социально-пространственных отношениях; медиасистемы и особенности их формирования в географическом, историческом и культурном пространстве.

При эмпирической верификации медиакоммуникационных аспектов репрезентации конфликта, как правило, делается вывод об отсутствии в них нейтральных коннотаций конфликта. Понятие информационной войны становится одной из наиболее часто встречающихся коннотаций. В статьях этого блока постулируется тезис о выдвигании на первый план в ситуации информационной войны воздействующей функции медиа, заменяющей информационную. В такой ситуации происходит изменение форм воздействия: убеждение уступает место манипулированию, которое перерастает в открытую агрессию. На примере материалов американских и британских СМИ (*The New York Times*, *The Washington Post*, *The Economist*, *The Guardian*) и

создаваемых ими медиарепрезентаций российско-американских отношений по сирийскому вопросу были выявлены агрессия, преднамеренное введение аудитории в заблуждение и внушение определенной идеи с целью ее идеологического подчинения.

Изучение особенностей реализации манипулятивной стратегии англоязычными СМИ в период 2015–2017 гг. позволило определить ее как «стратегию на понижение» и признать основным средством ведения информационных войн XXI в. Согласно этой стратегии, коммуникативные тактики приобретают манипулятивные качества, основанные на анализе фактов, предполагающих имплицитное выражение отрицательного отношения к описываемому. Выделены три тактики реализации этой стратегии англоязычными СМИ: тактика негативной оценки, обвинения и угрозы [38].

Манипуляция фактами — наиболее часто встречающаяся стратегия медиарепрезентации. Институционализированным медиа свойственно использование манипуляций применительно ко всем видам СМИ: телеканалам, изданиям, информационным агентствам. Сравнительный анализ интерпретаций событий конфликтующими сторонами показал, что каждая из сторон прибегает к механизмам манипуляции общественным мнением при отражении событий [39].

Медиадискурсам общества на тему конфликта свойственны коммуникативные агрессии, которые сегодня стали неотъемлемым свойством их природы. Дискурс-анализ медиатекстов с маркерами негативных коннотаций по вопросу репрезентации России в зарубежных медиа выявил

угрозу социальной опасности русофобии — идеологического концепта агрессивной пропаганды.

Современная медиариторика зачастую в высокой степени поляризована, построена на противостоянии идеологических интересов. В то же время альтернативной войне медиакоммуникационной стратегией возможно считать мирную журналистику, призванную снизить напряженность в обществе [40].

Второй блок публикаций (29,7 % от общего числа статей) посвящен роли современных медиа в конфликтах. В рамках данного направления исследователи изучают роль медиа в формировании общественного мнения, и в целом влияние медиа на возникновение, течение и потенциальную эскалацию конфликта. Отдельное внимание уделяется миротворческой роли журналистики и динамики развития социальных медиа, в частности возникновению протестной активности интернет-пользователей. В работах этого тематического блока исследуется, например, роль журналистики и медиа в обеспечении общественного медиадIALOGA в условиях непрерывного повышения уровня конфликтности современной реальности [41]; делаются выводы о том, каким образом инициативные группы в ходе локальных экологических конфликтов используют социальные медиа для привлечения граждан к проблемным ситуациям и их мобилизации [42]; анализируется роль информационной деятельности современных медиа в формировании общественного мнения за рубежом.

В статьях, отнесенных к данному блоку, дифференцированы функции институционализированных и не-

институционализированных медиа. Если первый тип медиа исследуется в основном с позиций их потенциала формировать общественное мнение, используя манипулятивные технологии и производя пассивную агрессию, то второй тип медиа рассматривается как среда для формирования более активных действий: мобилизации, протестной активности и проч.

На примере изучения кейса задержания журналиста Ивана Голунова и стихийно возникшей акции в его поддержку в социальной сети «ВКонтакте» установлено, что хештеги способствовали транспонированию первоначального смысла публикации в новые контексты, что впоследствии аккумулировало протестные движения [43]. Образ главного героя конфликта претерпел существенную трансформацию: от ключевого участника события он воплотился в символ недовольства институтами политической системы страны. При этом сами публикации в соцсети характеризуются преимущественно нейтральным содержанием.

Та же соцсеть стала катализатором протестной активности жителей Архангельской области вокруг строительства мусорного полигона в 2018-2019 гг. [44]. Как показало проведенное исследование, более частое обсуждение строительства мусорного полигона в социальных медиа на индивидуальном уровне увеличивало вероятность участия в протестной активности. Участие в протестах, как показало исследование, зависит от медиакоммуникационного освещения: если проблема обсуждается в социальных медиа активно, потенциал индивидуального вовлечения в протестную активность оказывается выше.

Мобилизация посредством социальных сетей — распространенное явление. Транслируемые призывы выполняют роль пропагандистского инструмента в межэтнических противостояниях [45]. Кроме эффекта мобилизации, призывы в социальных сетях способствуют формированию образа врага и в целом способствуют эскалации агрессии.

Как отмечают исследователи, «новые медиа» значительно превосходят традиционные СМИ и обычные интернет-сайты в контексте информационно-пропагандистской деятельности» [46, с. 37]. Террористические формирования и всевозможные организации деструктивного типа активно используют преимущества новых медиа при инспирировании конфликтных ситуаций разного уровня, пользуясь легкой доступностью материала практически любому пользователю в мире, возможностью анонимного распространения информации, ростом доверия к новым медиа, особенно в молодежной среде [там же].

В статьях данного блока внимание зачастую акцентируется на «конструктивной» [26] роли медиа в разрешении конфликтов: СМИ являются не только агентом, мобилизующим общественность, но также и каналом распространения информации о конструктивных практиках взаимодействия в конфликтных ситуациях; медиаплатформы способствуют поддержанию групповой идентичности и вносят вклад в создание новой компромиссной социальной нормы [14]. Конфликт же при таком рассмотрении актуализирует свою социализирующую функцию [2]. Миротворческая функция проявляется при снижении социальной

поляризации, которое происходит не в результате «воздействия» на аудиторию, но как итог восстановления критически значимых социальных связей [9].

Третий блок (28,9 % от общего числа статей) посвящен технологиям медиавоздействия — как деструктивным, так и конструктивным. Изучаются языковые, стилистические и логико-риторические приемы информационной войны, технологии манипуляции и пропаганды. Как отмечают исследователи, «медiateкстам свойственно наличие слов и словосочетаний с положительными или отрицательными коннотациями, экспрессивной лексики с идеологическим подтекстом. Поэтому в медiateкстах используются лингвостилистические средства выражения, усиливающие экспрессивную и оценочную функции» [47, с. 120]. В работах данного блока анализируются различные дискурсивные стратегии — стратегии обвинения, стратегия противоборства, проективная, консервативная, мобилизационная, стоическая и рефлексивная, изучаются отдельные приемы (фреймирование, конструирование образов, мемы, троллинг, оценочные тактики). Авторы анализируют основные приемы речевого воздействия в публикациях, освещающих начальный этап конфликтной ситуации на Украине [47]; исследуют конструктивные и деструктивные возможности информационных технологий в политических конфликтах [17]; рассматривают усиление функции информационной агрессии в условиях информационной войны.

Как бы ни были сложны и разнообразны современные технологические инструменты создания

медiateкста, комбинации текстовых, визуальных и аудиальных элементов репрезентации конфликта в цифровой среде, в которой органично сочетаются элементы дополненной, виртуальной реальности, а также приемы фальсификации реальности, по-прежнему основным инструментом медиарепрезентации конфликта является язык и конструируемые нарративы. Неудивительно, что при анализе социального конфликта и его репрезентации медиаисследователи большинства проанализированных научных трудов обращаются к методу качественного и количественного контент-анализа, а также дискурс-анализа.

Языковые средства освещения конфликта формируют определенные оценочные конструкции — фреймы, которые потенциально способны влиять на отношение аудитории к конфликту и что более важно — на определенное отношение к той или иной стороне конфликта. Фреймирование конфликта посредством медиа определяет эффективность коммуникационной стратегии ведения информационной войны. Репрезентации социального конфликта конструируется за счет выбора жанра, тональности, семантического поля всех публикаций в СМИ на тему конфликта, контекста дискурсивной стратегии в социальных сетях и других факторов. Язык как на уровне институционализированных СМИ, так и на уровне социальных медиа — это ключевой инструмент идентификации идеологических аспектов в форме зачастую внешне нейтральных сообщений.

На примере использования метафор различными субъектами политической журналистики выявля-

ются негативные оценки тех или иных событий. Использование этого вида троп свойственно каждому из проанализированных типов изданий. Другое исследование выявило роль метафор как инструмента дискурсивной делегитимизации политических событий [48]. Использование всех возможностей средств языковой выразительности служит формированию публицистической картины мира, что становится характерным свойством создаваемых медиарепрезентаций [49]. Лексика, фокус на тех или иных аспектах конфликтов, эмоционально окрашенные определения — важные составляющие конструирования языка медиатекста о конфликте. В основу такого текста положена задача противопоставления по принципу бинарных оппозиций: врага и защитника, зла и добра, чужих и своих [50].

Одним из актуальных языковых проявлений в условиях конфликта стало явление троллинговых комментариев, функционирующих в социальных медиа, как инструментов информационного воздействия на аудиторию [51]. На основе анализа троллингового комментарийного дискурса в соцсети «ВКонтакте» были выделены три типа троллинга: агрессивные троллинговые комментарии, высмеивающие троллинговые комментарии, уводящие от темы троллинговые комментарии, включая информационные вбросы. В другом исследовании был изучен кейс «наномитингов» как медиасобытия. Было выявлено, что медиакommunikационные технологии позволяют аудитории достигать определенного успеха в политической борьбе, что требует от них быть «продвинутыми» пользователями

медиа, поскольку успех их акций связан с возможностью «быть заметным» для представителей власти и других аудиторных групп.

Важным медиакommunikационным феноменом общественно-политической жизни становится интернет-мем, представляющий собой одновременно продукт сетевого творчества, артефакт современной культуры участия, инструмент публичной дискуссии и ангажированных медиатехнологий [52]. Война мемов становится одним из подвигов информационной войны.

Таким образом, данная оптика высвечивает роль медиа как активного участника, подстрекателя, разжигателя или «дирижера» конфликта: даже если СМИ пытается оказать гармонизирующее влияние на конфликтную динамику, зачастую это все равно происходит в интересах одной из сторон конфликта. Коммуникативное действие в изначальном [20] гуманистическом понимании становится затруднено; публичные акты коммуникации совершаются в целях распределения ресурсов и власти [18], либо же являются самостоятельным актом проявления властных полномочий через коммуникацию. Логика «медиавоздействия» актуализирует вопрос об эффектах массовой коммуникации, которые понимаются скорее как результат осознанных манипуляций, и аудитория таким образом утрачивает часть субъектности в рамках конфликта.

Следует подчеркнуть, что анализ эффектов репрезентаций конфликта в медиатекстах не представлен в отечественном академическом дискурсе о конфликте в достаточной степени, поскольку эмпирические исследования аудитории не мас-

штабированы. Тем не менее в ряде работ на основе анализа фреймов предлагаются для обсуждения вопросы потенциально негативного воздействия медиа на аудиторию. Концептуализация аудитории медиа в медиаисследовательской перспективе отталкивается от понимания конфликтологии как теории разрешения социальных конфликтов, и такой конструктивный взгляд на медиакommunikation процессы соответствует модели интеллектуализации публичной сферы, предложенный некоторыми авторами. Здесь задача ключевых агентов воспроизводства последней заключается в снижении социальной напряженности, формировании у аудитории адекватной культуры восприятия конфликтов в целях общей гармонизации общественных процессов [5].

Эти представления близки актуальному осмыслению роли медиа в конфликтном процессе как миротворцев, и это отражает активный процесс гуманизации медиаисследований и антропологический поворот в социогуманитарном знании в целом. Очевидны морально-этические позиции медиаисследователей, предполагающих рассмотрение конфликта в контексте не только самих конфликтных ситуаций, но и в контексте абсолютизации ценности человеческой жизни.

В рамках *четвертого тематического блока* (7,8 % от общего числа статей) исследуются теоретико-методологические подходы к изучению медиарепрезентаций конфликтов в целом. В него входят статьи, посвященные выработке методологии и уточнению терминологии конфликта, конфликтной ситуации, участников конфликта и других. В

работах исследователей обсуждаются теоретические вопросы взаимодействия медиа и конфликтов [33]; исследуется динамика теоретических подходов к исследованию медиа и журналистики как фактора, способствующего преодолению противоречий и конфликтов между участниками текущей социальной практики [5].

К данному тематическому блоку относятся работы, выходящие на уровень метаописания и стремящиеся найти теоретико-методологический инструментальный, адекватный всему разнообразию функций медиа в современном социальном конфликте. Рассматривая особенности освещения конфликта в СМИ, исследователи отмечают высокое внимание российского академического сообщества к «сопоставлению медиа-трактовок событий... в различных странах, специфику которых объясняют борьбой за мнение международного сообщества» [53, с. 100], что в свою очередь акцентирует важную роль компаративных исследований в области конфликтологии и репрезентации конфликта в СМИ.

Репрезентации конфликтов в медиа: типология и методы

На втором этапе работы нами были выявлены восемь ключевых *типов конфликтов*, обращения к которым встречаются в научных публикациях. Самые многочисленные среди них — это политический (35,9 % от общего числа статей), военный (18 %) и общественно-правовой (10,2 %). В статьях на тему политического конфликта большое внимание уделяется конфликту на Украине, а также конфликту между Россией и Западом. В ряде работ

рассматривается воздействие медиа на аудиторию и формирование медиаэффектов в контексте теории установления атрибутивной повестки дня и фрейминга. Работы на тему военного конфликта делают акцент на конфликте в Сирии или на конфликте в Ираке и его репрезентации в СМИ [54]. Общественно-правовой конфликт — это чаще всего протесты против принятых законов и гендерный конфликт. В статьях присутствует, в частности, рассмотрение ряда протестных кампаний («Марш за права москвичей», «Марш мира» и другие) и степени вовлеченности крупных федеральных телевизионных СМИ в процесс информационного освещения этих событий. Другие типы конфликта, встречаемые

в публикациях, — экологический, межэтнический, экономический, конфликты вокруг COVID-19, а также терроризм (см. табл. 2).

При анализе социального конфликта и его репрезентации в медиа большинство работ обращаются к методу качественного и количественного контент-анализа. Исследование выявило широкий спектр методов анализа, присутствующих в научных статьях: дискурс-анализ, интент, лексический, текстовый, ивент, медиаметрический, фрейм, сентимент, регрессионный, ситуационный, киберметрический, структурно-функциональный, пространственный, стилистический, статистический, качественный, лингвокультурологический и концептуальный, а также метод когни-

Таблица 2 / Table 2

**Типы конфликтов в научных статьях
отечественных медиаисследователей (N = 128)***
**Types of Impressions in Scientific Articles
of Russian Media Researchers (N = 128)**

Тип конфликта / Type of Conflict	Число публикаций в блоке, в ед. / Number of Publications in the Block, in Units	Процент от общего числа публикаций, в % / Percentage of the Total Number of Publications, in %
<i>Политический / Political</i>	46	35,9
<i>Военный / Military</i>	23	18
<i>Общественно- правовой / Public Law</i>	15	10,2
<i>Экономический / Economic</i>	8	6,3
<i>Экологический / Ecological</i>	8	6,3
<i>Реакция на COVID-19 / Response to COVID-19</i>	8	6,3
<i>Теракты / Attacks</i>	6	4,7
<i>Межэтнический / Interethnic</i>	5	4
<i>Другое / Other</i>	9	7

* Составлена авторами. 2022.

тивного картирования. Другие методы, использованные авторами, включают опрос, глубинные интервью, технологию веб-краулинга с предзаданным словарем, метод социальных графов, компьютерное моделирование, метод автоматизированного извлечения данных *Predictor Mining*, методы анализа данных (*Data Mining*) и социального компьютеринга (*Social Computing*), а также сетевой метод. При этом следует отметить, что более чем у половины работ конкретные методы в аннотации обозначены не были.

Теоретическую базу статей составляют преимущественно академические концепции из психологии, политологии, социологии и медиаисследований. Они включают в себя конструктивистский подход к анализу социальных проблем, теории установления атрибутивной повестки дня, теорию фрейминга, коммуникативный подход к осмыслению специфики интернет-пространства, политико-психологические теории, психологическую модель межличностных отношений С. Карпмана, теорию сетевой повестки дня, философию технологии и теорию политических коммуникаций.

В завершение, говоря об инструментах анализа, следует упомянуть об информационно-поисковой системе мониторинга и анализа СМИ «Интегрум», к которой часто обращаются авторы при анализе публикаций на тему конфликта; алгоритме на основе нейронных сетей *word2vec*; статистике *Google Trends*; сервисе мониторинга социальных медиа *IQBuzz*, а также программном обеспечении для контент-анализа *Atlas.ti*.

В целом, политический и военный виды конфликтов как наиболее

распространенные среди выявленных остаются самыми сложными для анализа с точки зрения медиаисследователей. В отличие от структурных конфликтов внутри общества, где медиа могут выполнять роль наблюдателя, конфликтные отношения между национальными государствами существенно влияют на позиции и, следовательно, роли медиа. В условиях военных вооруженных конфликтов, террористических атак и других форм проявления насилия, приводящих к жертвам, медиа перестают быть отстраненными наблюдателями. Как подчеркивают представители нормативной школы медиаисследований, роль сотрудничества с государством в условиях общественных беспорядков и войн напоминает, «что журналистика функционирует не в социальном вакууме, а находится во взаимодействии с другими социальными акторами в более широком контексте» [55, с. 149].

Дискуссия и заключение: к выработке комплексного междисциплинарного анализа медиапрезентаций конфликта

Проведенное эмпирическое исследование ставило целью выявить основные направления анализа репрезентаций конфликта в актуальных отечественных медиаисследованиях. Очевидно, что медиакоммуникации часто, если уже не всегда, выступают связующим элементом социального конфликта, его эскалации или/и регулирования, разрешения, выполняя присущую их природе посредническую роль. Однако, как показало теоретико-эмпирическое исследование, результаты такого посредничества могут

разниться в зависимости от контент-стратегий медиа, от принимаемых медиа на себя ролей, от создаваемого языкового дискурса.

Итоги проведенного анализа позволили определить, как отечественные исследователи интерпретируют медиарепрезентации социальных конфликтов, особенно в условиях полисубъектной структуры цифровой медиасреды, выявляют различные функции и стратегии репрезентации конфликта в медиа, определяют технологии и инструменты медиа при освещении конфликта. Анализируя перечисленные элементы изучения медиарепрезентации конфликта, представляется возможным представить их в виде таблицы, отображающей направления взаимодействия типологии конфликтов, методов медиарепрезентаций конфликтов и тематических

блоков их анализа на основе сделанной нами эмпирической выборки (см. табл. 3).

Полученные результаты ставят новые вопросы перед медиаисследователями, занимающимися изучением влияния медиа на социальный конфликт. Очевидно, что медиа оказываются включенными во все этапы «жизненного цикла» конфликта, при этом медиакommunikation становятся формой бытования конфликта за счет инструментов его репрезентации, вызывающей новый виток или разрешение конфликта. Внимание к медиа, их стратегиям, функциям/ролям, дискурсу и теории становится новым направлением современного знания о конфликте, и анализ вышеперечисленного требует дальнейшего теоретико-методологического развития.

Развитие конфликта в медиакommunikation среде может быть

Таблица 3 / Table 3

**Элементы изучения медиарепрезентаций конфликта
(по материалам проведенного эмпирического метаанализа)*
Elements of the Study of Media Representations of the Conflict
(Based on the Materials of the Conducted Empirical Meta-Analysis)**

Тип медиа и выявленные функции / Media Type and Identified Features		Контент-стратегии / Content Strategies		Инструменты медиаре-презентаций / Media Representation Tools
Институционализи-рованные медиа: манипуляция общественным мнением, агрессия	Неинституционализи-рованные: мобилизация, протестная активность, митинги	Информационная война	Миротворчество	Создание образа врага средствами языковой выразительности, использование метафор, отождествление субъектов с источниками угрозы, провокация, эмоционально окрашенные определения, стереотипизация, политический анекдот, интернет-мем и др.

* Составлена авторами. 2022

направлено как на миротворчество, позитивное посредничество, так и на деструкцию, что определяет суть медиакоммуникационной стратегии, которая может быть:

- спланирована заранее как часть «жизненного цикла» конфликта,
- выстроена и перестроена в ходе «жизненного цикла» конфликта,
- изменена в процессе развития самой медиарепрезентации конфликта под воздействием различных субъектов медиакоммуникационной среды.

Как мы видели выше в обзоре теоретической литературы, современная конфликтология не может не обращать внимание на медиаисследования, анализирующие не только различные аспекты общественного

мнения по вопросу конфликта, особенности его освещения и аудиторные эффекты этого процесса. Изучение контент-стратегий, технологий и инструментов медиавоздействия все больше показывает потенциал влияния медиарепрезентаций на процесс протекания конфликта, его эскалации и реэскалации. Именно поэтому представляется возможным расширить представления современной конфликтологии об основных направлениях исследований в данном академическом поле. Так, в предложенной Г. Боумерсом и Р. Петерсоном схеме, адаптированной в отечественную конфликтологию А.К. Зайцевым, очевидно недостаточно акцентированы аспекты, связанные с деятельностью медиа,

Таблица 4 / Table 4

**Преобладающие направления исследований
в академическом дискурсе изучения конфликтов***
**Prevailing Lines of Research in the Academic Discourse
of Conflict Studies**

Элементы конфликта / Elements of Conflict	Направление исследований / Direction of Research			
	Социальное / Social	Международное / International	Индустриальное / Industrial	Организационное / Organizational
Группы / Groups	Группы по интересам. Классы	Нации. Национальные элиты	Организованные группы работников-управляющих	Индивиды. Малые группы. Группы представленные индивидами
Стадии / Stages	Вмешивающееся поведение. Несовместимые различия	Вмешивающееся поведение. Несовместимые различия	Вмешивающееся поведение. Несовместимые различия	Несовместимые различия. Процесс, составленный из стадий. Вмешивающееся поведение
Причины / The Reasons	Преобладание, приводящее к дефициту позиций и ресурсов	Дефицит ресурсов. Идеологические различия. Доминирование	Структурная дифференциация	Понимание. Дифференциация. Коммуникация. Личностные различия

Окончание табл. 4 / End of the Table 4

Элементы конфликта / Elements of Conflict	Направление исследований / Direction of Research			
	Социальное / Social	Международное / International	Индустриальное / Industrial	Организационное / Organizational
Социальный контекст / Social Context	Укоренившаяся социальная система	Свободно очерченное и гибкое общество	Установившаяся система соперничества	Установившаяся система кооперации
Ценности / Values	Провозглашение групповой идентичности. Социальное изменение. Поддержка системы	Продвижение национальных или субнациональных интересов	Разрешение споров. Уменьшение скрытых напряжений. Поддержка организаций	Иновация. Организационное изменение. Поддержка организаций
Управление конфликтом / Conflict Management	Мобилизация групп. Социальный контроль. Управление силами	Предотвращение войны. Развитие альтернатив войне	Баланс сил. Коллективные переговоры	Развитие понимания у управляющих. Стратегия Регулирования несовместимых различий. Решение проблем

* Составлена авторами по данным: Bomers & Peterson 1982, 48; Зайцев, 2001.

что, несомненно, требует дополнений. В табл. 4, опирающейся на классификацию упомянутых авторов, предложено также и направление исследований, связанное с медиакommunikационной средой.

Академический дискурс изучения взаимодействия медиа и конфликта, медиарепрезентаций конфликта в своем актуальном состоянии еще не имеет системных характеристик, ограничен анализом отдельных сторон

явления, не опирается на устоявшиеся методологии и исследовательские процедуры. Однако в целом можно увидеть, что исследовательское поле медиатизации конфликта имеет потенциал стать самостоятельным, объединяющим не только конфликтологию и теорию журналистики, теорию медиа, но и интегрирующим многие смежные области — медиалингвистику, социологию аудитории, социальную психологию.

Список использованной литературы

1. Маркс К. Гражданская война во Франции / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч., изд. 2, т. 17. — Москва : Политиздат, 1960. — 841 с.
2. Зиммель Г. Философия культуры : в 2 т. / Г. Зиммель. — Москва : Юрист, 1996. — 1 т. — 671 с.
3. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф. — Москва : Росспэн, 2002. — 284 с.
4. Владимиров А.А. Современная модернизация в России с позиций социальной философии и конфликтологии / А.А. Владимиров, Л.А. Зеленов, Е.И. Степанов. — Москва : Либроком, 2013. — 208 с.

5. Смирнова О.В. Исследования медиа и журналистики в контексте конфликтологии: системно-теоретические аспекты / О.В. Смирнова, М.В. Шкондин. — DOI 10.17150/2308-6203.2021.10(1).5-21. — EDN [TRJWUG](#) // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — Т. 10, № 1. — С. 5–21.
6. Вартанова Е.Л. К вопросу о субъектности конфликта в медиакommunikационной среде / Е.Л. Вартанова. — DOI 10.30547/mediaalmanah.3.2021.818. — EDN [QZIYNQ](#) // Меди@льманах. — 2021. — № 3. — С. 8–19.
7. Beyond Left and Right: Real-World Political Polarization in Twitter Discussions on Inter-ethnic Conflicts / S.S. Bodrunova, I. Blekanov, A. Smoliarova, A. Litvinenko. — DOI 10.17645/mac.v7i3.2389 // Media and Communication — 2019. — Vol. 7, iss. 3. — P. 119–132.
8. Barberá P. How Social Media Reduces Mass Political Polarization. Evidence from Germany, Spain, and the US / P. Barberá. — San Francisco, 2015. — URL: http://pablobarbera.com/static/barbera_polarization_APSA.pdf.
9. Звоницкая А.С. Опыт теоретической социологии. Социальная связь / А. С. Звоницкая. — Киев : Кн. изд-во И.И. Самоненко, 2010. — 304 с.
10. Вирт Л. Избранные работы по социологии / Л. Вирт. — Москва : Инион, 2005. — 244 с.
11. Colleoni E. Echo Chamber or Public Sphere? Predicting Political Orientation and Measuring Political Homophily in Twitter Using Big Data / E. Colleoni, A. Rozza, A. Arvidsson // Journal of Communication. — 2014. — № 64. — P. 317–332.
12. Merton R.K. Social Theory and Social Structure / R.K. Merton. — New York : The Free Press, 1968. — 666 p.
13. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса / А.Г. Здравомыслов. — Москва : Аспект-Пресс, 1995. — 317 с.
14. Козер Л.А. Функции социального конфликта / Л.А. Козер. — Москва : Идея-Пресс, 2000. — 205 с.
15. Цой Л.Н. Социальная организация и самоорганизация: конфликты и развитие личности / Л.Н. Цой. — EDN [OPHNGJ](#) // Мир психологии. — 2011. — № 2. — С. 96–108.
16. McQuail D. McQuail's Mass Communication Theory / D. McQuail. — London : SAGE, 2010. — 640 p.
17. Кинаш Ю.С. Возможности информационных технологий в современных политических конфликтах (на примере конфликта в Ливии 2011 г.) / Ю.С. Кинаш. — EDN [ZSVRPX](#) // PolitBook. — 2017. — №3. — С. 172–183.
18. Entman R. Framing Bias: Media in the Distribution of Power / R. Entman // Journal of Communication. — 2007. — № 57. — P. 163–173.
19. Ndinojuo B.E. Prevalent News Frames in News Reports about Military Operations Against Boko Haram in North-East Nigeria / B.E. Ndinojuo, W.C. Ihejirinka, G.B. Okon. — EDN [PPVIRY](#) // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. — 2020. — № 1. — P. 51–72.
20. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. — Санкт-Петербург : Наука, 2006. — 380 с.
21. Ball-Rokeach S.J. A Dependency Model of Mass-Media Effects / S.J. Ball-Rokeach, M.L. Defleur // Communication Research. — 1976. — № 3. — С. 3–21.
22. Höijer B. Social Representations Theory. A New Theory for Media Research / B. Höijer // Nordicom Review. — 2011. — № 32. — P. 3–16.
23. Media Sustainability in the Pandemic Conflicting World: Reflections from Diverse Perspectives / S. Jamil, N. Panagiotou, C. Fragkonikopolous, A. Gladkova. — DOI 10.30547/worldofmedia.2.2022.1. — EDN [JLPURK](#) // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. — 2022. — № 2. — P. 5–12.
24. Loucif A. Assessment of Media and Risk Communication During COVID-19: The Case of Algeria / A. Loucif. — DOI 10.30547/worldofmedia.2.2022.3. — EDN [XQUBPO](#) // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. — 2022. — № 2. — P. 28–45.
25. Graf S. The Effects of News Report Valence and Linguistic Labels on Prejudice Against Social Minorities / S. Graf, P. Linhartova, S. Sczesny // Media Psychology. — 2020. — № 23. — P. 215–243.

26. Лукина М.М. Конфликт в повестке дня российских информационных агентств: исследование в контексте конструктивной журналистики / М.М. Лукина, А.В. Толоконникова. — DOI 10.30547/vestnik.journ.5.2021.2750. — EDN [VCTJYU](#) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2021. — № 5. — С. 27 — 50.

27. McIntyre K.E. Toward a Clearer Conceptualization and Operationalization of Solutions Journalism / K.E. McIntyre, K. Lough // *Journalism*. — 2021. — № 22. — P. 1558–1573.

28. McIntyre K. Positive Psychology as a Theoretical Foundation for Constructive Journalism / K. McIntyre, C. Gyldensted // *Journalism Practice*. — 2018. — №12. — P. 662–678.

29. McIntyre, K. Solutions Journalism: The Effects of Including Solution Information in News Stories about Social Problems / K. McIntyre // *Journalism Practice*. — 2019. — №13. — P. 1–19.

30. Jamil S. The Rise of Digital Authoritarianism: Evolving Threats to Media and Internet Freedoms in Pakistan / S. Jamil. — DOI 10.30547/worldofmedia.3.2021.1. — EDN [HGCJMR](#) // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. — 2021. — № 3. — P. 5–33.

31. От теории журналистики к теории медиа. Динамика медиаисследований в современной России / под ред. Е.Л. Вартановой. — Москва, 2019. — 208 с.

32. *Theorising Media and Conflict* / ed. P. Budka, B. Brauchler. — New York : Berghahn, 2020. — 350 p.

33. Вартанова Е.Л. Медиа и конфликты: исследование взаимовлияния в актуальном академическом дискурсе / Е.Л. Вартанова, Д.В. Дунас, А.А. Гладкова. — DOI 10.30547/vestnik.journ.4.2021.332. — EDN [PLANZI](#) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2021. — № 4. — С. 3–32.

34. Gladkova A. Examining Public's Exposure to Reports about Ethnic Groups in Mainstream Russian Media / A. Gladkova, K. Korobeinikova. — DOI 10.11621/pir.2016.0112. — EDN [APRXVP](#) // *Psychology in Russia: State of the Art*. — 2016. — Vol. 9. — № 1. — P. 164–177.

35. Якова Т.С. Массмедиа и конфликты: медиагеографические исследования / Т.С. Якова. — DOI 10.17150/2308-6203.2021.10(4).680-697. — EDN [JLVYPG](#) // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — № 10. — С. 680–697.

36. Голоусова Е.С. Крымский референдум и интерпретация его итогов в сми (на примере анализа российской и американской печати) / Е.С. Голоусова, В.М. Амиров. — EDN [WDNOWZ](#) // Политическая лингвистика. — 2016. — № 2. — С. 55–59.

37. Толоконникова А.В. Конфликты в информационной повестке дня: к вопросу об объективности (на примере публикаций российских информационных агентств «Интерфакс» и ТАСС) / А.В. Толоконникова, М.М. Лукина. — DOI 10.30547/mediaalmanah.5.2021.7485. — EDN [PSNAJX](#) // Меди@льманах. — 2021. — № 5. — С. 74–85.

38. Агапова С.Г. Информационная война: манипулятивная стратегия на понижение / С.Г. Агапова, Л.В. Гущина. — EDN [ZIVULJ](#) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2017. — № 3. — С. 27–34.

39. Пчегатлук С.К. Отражение политических событий в российских и украинских СМИ: социологический аспект / С.К. Пчегатлук, Д.В. Василенко. — DOI 10.24158/tipor.2018.5.2. — EDN [XNZDJJ](#) // Теория и практика общественного развития. — 2018. — № 5. — С. 3–5.

40. Олейников С.В. Миротворческий потенциал и язык конфликта современной журналистики / С.В. Олейников. — EDN [UGCIBH](#) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2015. — № 2. — С. 208–215.

41. Демина И.Н. Конфликтологическая культура в контексте общественного медиадиалога / И.Н. Демина, О.В. Смирнова, М.В. Шкондин. — DOI 10.51965/2076-7919_2021_2_2_109. — EDN [IHJZFF](#) // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2021. — № 2. — С. 109–118.

42. Гольбрайх В.Б. Социальные медиа в локальных экологических конфликтах / В.Б. Гольбрайх. — DOI 10.21638/spbu12.2019.405. — EDN [UYNAGS](#) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2019. — Т. 12. — № 4. — С. 368–384.

43. Щекотуров А.В. Динамика территориальной идентичности и восприятия статуса региона жителями Калининградской области в 2016–2020 гг / А.В. Щекотуров, М.И. Кришталь. — DOI 10.24290/1029-3736-2021-27-3-43-61. — EDN [VUKIWH](#) // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2021. — Т. 27, № 3. — С. 43–62.

44. Климова А.М. Роль социальных медиа в формировании регионального экологического протеста в России / А.М. Климова, С.П. Куликов, К.Ш. Чмель. — DOI 10.14515/monitoring.2021.6.2024. — EDN [LWUEVC](#) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2021. — № 6. — С. 28–52.

45. Ачкасова В.И. Сетевые средства этнической мобилизации: исследование роли призывов в межэтнических конфликтах / В.А. Ачкасова, О.И. Трохина. — DOI 10.17223/15617793/431/1. — EDN [UYPPBX](#) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 5-11.

46. Грачев С.И. Роль «новых медиа» в современных конфликтах / С.И. Грачев, Т.В. Баранов. — DOI 10.18384/2224-0209-2018-4-927. — EDN [YSQCSD](#) // Вестник Московского государственного областного университета. — 2018. — № 4. — С.33–40.

47. Панова Е.Ю. Речевое воздействие в текстах СМИ (на примере анализа новостных сообщений, освещающих начальный этап конфликта на Украине) / Е.Ю. Панова. — EDN [WLWRYX](#) // Вестник Челябинского государственного университета. — 2016. — № 7. — С.120–130.

48. Кондратьева О.Н. Лингвополитическая персонология (метафорический ракурс исследования) / О.Н. Кондратьева, В.А. Каменева. — DOI 10.24224/2227-1295-2020-1-78-96. — EDN [IWRYDI](#) // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 78–96.

49. Минемуллина А.Р. Адъективная оценочная лексика в заголовке публицистического текста / А.Р. Минемуллина. — EDN [TFXQVP](#) // Ярославский педагогический вестник. — 2014. — №4. — С. 160–166.

50. Зинковская Л.С. Языковая репрезентация образов враг vs защитник в украинских СМИ (на примере военной хроники информационного агентства УНИАН) / Л.С. Зинковская. — DOI 10.17238/issn1998-5320.2017.29.77. — EDN [ZRBZJR](#) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2017. — №3. — С. 77–82.

51. Якель А.О. Троллинговый комментарий как инструмент формирования отношения аудитории социальных сетей к инфоповодам / А.О. Якель. EDN [HZHBZA](#) // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. — 2019. — № 4. — С. 108–112.

52. Шомова С.А. «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния / С.А. Шомова // Мониторинг. — 2019. — № 5. — С. 250–269.

53. Исаев Л.М. Фреймирование сирийского конфликта в российских федеральных СМИ / Л.М. Исаев, К.С. Еремеева, А.Р. Шишкина. — DOI 10.30570/2078-5089-2021-101-2-97-120. — EDN [BLPPRD](#) // Politeia. — 2021. — № 2. — С.97–120.

54. Новгородова А.И. Отражение иракских конфликтов в The New York Times (на примере освещения двух операций (1991, 2003 гг.) в Персидском заливе) / А.И. Новгородова. DOI 10.30547/mediascope.1.2020.4. — EDN [XXTZYS](#) // Медиаскоп. — 2020. — № 1. — С. 4.

55. МакКуэйл Д. Журналистика и общество / Д. МакКуэйл. — Москва : МедиаМир, 2013. — 368 с.

References

1. Marks K., Engels F. *Der Bürgerkrieg in Frankreich*. London, 1871. 35 s. (Russ. ed.: Marks K., Engels F. *Civil war in France*. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1960. Vol. 17. 841 p.).

2. Zimmel G. *Philosophy of Culture*. Moscow, Jurist Publ., 1996. Vol. 1. 671 p.

3. Darendorf R. *Contemporary Social Conflict. Essay on the Politics of Freedom*. Moscow, Rossppjen Publ., 2002. — 284 p.

4. Vladimirov A.A., Zelenov L.A., Stepanov E.I. *Modernization in Russia from the Standpoint of Social Philosophy and Conflictology*. Moscow, Librokom, Publ., 2013. 208 p.

5. Smirnova O.V., Shkondin M.V. Media and Journalism Studies in the Context of Conflictology: System-Based Theoretical Aspects. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2021, vol. 10, no. 1, pp. 5–21. (In Russian). EDN: [TRJWUG](#). DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(1).5-21.
6. Vartanova E.L. Revisiting the Agency of the Conflict in Media Communication Environment. *MediaAl'manakh = MediaAlmanah Journal*, 2021, no. 3, pp. 8–19. (In Russian). EDN: [QZIYNQ](#). DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2021.818.
7. Bodrunova S. S., Blekanov I., Smoliarova A., Litvinenko A. Beyond Left and Right: Real-world Political Polarization in Twitter Discussions on Inter-ethnic Conflicts. *Media and Communication*, 2019, vol. 7, iss. 3, pp. 119–132. DOI: 10.17645/mac.v7i3.2389.
8. Barberá P. *How Social Media Reduces Mass Political Polarization. Evidence from Germany, Spain, and the US*. San Francisco, 2015. Available at: http://pablobarbera.com/static/barbera_polarization_APSA.pdf.
9. Zvonitskaya A.S. *The Experience of Theoretical Sociology. Social Connection*. Kyiv, I.I. Samonenko Publ., 2010. 304 p.
10. Virt L. *Selected Works in Sociology*. Moscow, Inion Publ., 2005. 244 p.
11. Colleoni E., Rozza A., Arvidsson A. Echo Chamber or Public Sphere? Predicting Political Orientation and Measuring Political Homophily in Twitter Using Big Data. *Journal of Communication*, 2014, no. 64, pp. 317–332.
12. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. New York, The Free Press, 1968. 666 p.
13. Zdravomyslov A.G. *Sociology of Conflict: Russia on the Way to Overcoming the Crisis*. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1995. 317 p.
14. Kozler L.A. *Functions of Social Conflict*. Moscow, Ideya-Press Publ., 2000. 205 p.
15. Tsoi L.N. Social Organization and Self-Organization: Personality's Conflicts and Development *Mir psikhologii = World of psychology*, 2011, no. 2, pp. 96–108. (In Russian). EDN: [OPHNGJ](#).
16. McQuail D. *McQuail's Mass Communication Theory*. London, SAGE, 2010. 640 p.
17. Kinash Yu.S. Potential of Media Technologies in Modern Political Conflicts (Case Study of Libya Conflict in 2011). *PolitBook*, 2017, no. 3, pp. 172–183. (In Russian). EDN: [ZSVRPX](#).
18. Entman R. Framing bias: Media in the Distribution of Power. *Journal of Communication*, 2007, no. 57, pp. 163–173.
19. Ndinojuo B.E., Ihejirika W.C., Okon G.B. Prevalent News Frames in News Reports about Military Operations Against Boko Haram in North-East Nigeria. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2020, no. 1, pp. 51–72. EDN: [PPVIRY](#).
20. Habermas Ju. *Moral Consciousness and Communicative Action*. Saint-Petersburg Nauka Publ., 2006. 380 p.
21. Ball-Rokeach S.J., Defleur M.L. A Dependency Model of Mass-Media Effects. *Communication Research*, 1976, no. 3, pp. 3–21.
22. Höijer B. Social Representations Theory. A New Theory for Media Research. *Nordicom Review*, 2011, no. 32, pp. 3–16.
23. Jamil S., Panagiotou N., Fragkonikopolous C., Gladkova A. Media Sustainability in the Pandemic Conflicting World: Reflections from Diverse Perspectives. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2022, no. 2, pp. 5–12. EDN: [JLPURK](#). DOI: 10.30547/worldofmedia.2.2022.1.
24. Loucif A. Assessment of Media and Risk Communication During COVID-19: The Case of Algeria. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2022, no. 2, pp. 28–45. EDN: [XQUBPO](#). DOI: 10.30547/worldofmedia.2.2022.3.
25. Graf S., Linhartova P., Sczesny S. The Effects of News Report Valence and Linguistic Labels on Prejudice Against Social Minorities. *Media Psychology*, 2020, no. 23, pp. 215–243.
26. Lukina M.M., Tolokonnikova A.V. Conflict on the Agenda of Russian News Agencies: A Study in the Context of Constructive Journalism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika = Moscow University Journalism Bulletin*, 2021, no. 5, pp. 27–50. (In Russian). EDN: [VCTJYU](#). DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2021.2750.

27. McIntyre K.E., Lough K. Toward a Clearer Conceptualization and Operationalization of Solutions Journalism. *Journalism*, 2021, no. 22, pp. 1558–1573.
28. McIntyre K., Gyldensted C. Positive Psychology as a Theoretical Foundation for Constructive Journalism. *Journalism Practice*, 2018, no. 12, pp. 662–678.
29. McIntyre, K. Solutions Journalism: The Effects of Including Solution Information in News Stories about Social Problems. *Journalism Practice*, 2019, no. 13, pp. 1–19.
30. Jamil S. The Rise of Digital Authoritarianism: Evolving Threats to Media and Internet Freedoms in Pakistan. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2021, no. 3, pp. 5–33. EDN: [HGCJMR](#). DOI: 10.30547/worldofmedia.3.2021.1.
31. Vartanova E.L. (ed.) *From the Theory of Journalism to the Theory of Media. Dynamics of Media Research in Modern Russia*. Moscow, 2019. 208 p.
32. Budka P., Brauchler B. (eds). *Theorising Media and Conflict*. New York, 2020. 350 p.
33. Vartanova E.L., Dunas D.V., Gladkova A.A. Media and Conflicts: a Study of Their Mutual Interaction in Current Academic Discourse. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika = Moscow University Journalism Bulletin*, 2021, no. 4, pp. 3–32. (In Russian). EDN: [PLANZI](#). DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2021.332.
34. Gladkova A., Korobeinikova K. Examining Public's Exposure to Reports about Ethnic Groups in Mainstream Russian Media. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 164–177. EDN: [APRXVP](#). DOI: 10.11621/pir.2016.0112.
35. Yakova T.S. Mass Media and Conflicts: Media-Geographical Studies *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2021, no. 10, pp. 680–697. (In Russian). EDN: [JLVYPG](#). DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(4).680-697.
36. Golousova E.S., Amirov V.M. The Crimean Referendum and Interpretation of Its Results in Mass Media (on the Example of the Analysis of the Russian and American Press). *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics Journal*, 2016, no. 2, pp. 55–59. (In Russian). EDN: [WDNOWZ](#).
37. Tolokonnikova A.V., Lukina M.M. Conflicts on the News Agenda: Towards the Issue of Impartiality (a Case Study of Russian News Agencies Interfax and TASS). *Media Al'manakh = Media Almanah Journal*, 2021, no. 5, pp. 74–85. (In Russian). EDN: [PSNAJX](#). DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2021.7485.
38. Agapova S.G., Gushchina L.V. Information War: Reducing Manipulative Strategy. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2017, no. 3, pp. 27–34. (In Russian). EDN: [ZIVULJ](#).
39. Pchegatluk S.K., Vasilenko D.V. Political Events Covered by Russian and Ukrainian Media: A Sociological Aspect. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2018, no. 5, pp. 3–5. (In Russian). EDN: [XNZDJJ](#). DOI: 10.24158/tipor.2018.5.2
40. Oleinikov S.V. Modern Journalism: Peacemaking Potential and Language of Conflict. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature = Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2015, no. 2, pp. 208–215. (In Russian). EDN: [UGCIBH](#).
41. Demina I.N., Smirnova O.V., Shkondin M.V. Conflict Culture in the Context of Public Media Dialogue. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*, 2021, no. 2, pp. 109–118. (In Russian). EDN: [IHJZFF](#). DOI: 10.51965/2076-7919_2021_2_2_109.
42. Gol'braikh V.B. Social Media in Local Environmental Conflicts. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology, Sociology, Education*, 2019, vol. 12, no. 4, pp. 368–384. (In Russian). EDN: [UYNAGS](#). DOI: 10.21638/spbu12.2019.405.
43. Shchekoturov A.V., Krishtal' M.I. Dynamics of Territorial Identity and Perception of the Status of the Region by Residents of the Kaliningrad Region in 2016–2020. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya = Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2021, vol. 27, no. 3, pp. 43–62. (In Russian). EDN: [YUKIWH](#). DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-3-43-61.
44. Klimova A.M., Kulikov S.P., Chmel' K.Sh. The Role of Social Media in Shaping Regional Ecological Protest in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion : Economic and Social Changes*, 2021, no. 6, pp. 28–52. (In Russian). EDN: [LWUEVC](#). DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2024.

45. Achkasova V.A., Trohina O.I. Networking of Ethnic Mobilization: Exploring the Role of Appeals in Interethnic Conflicts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2018, no. 431, pp. 5–11. (In Russian). EDN: [UYPPBX](#). DOI: 10.17223/15617793/431/1.

46. Grachev S.I., Baranova T.V. The Role of "New Media" in Modern Conflicts. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. = Bulletin of the Moscow Region State University*, 2018, no. 4, pp. 33–40. (In Russian). EDN: [YSQCSU](#). DOI: 10.18384/2224-0209-2018-4-927.

47. Panova E.Ju. Speech Influence in the Texts of Mass Media (on the Example of Analysis of News Reports Covering the Initial Phase of the conflict in Ukraine). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2016, no. 7, pp. 120–130. (In Russian). EDN: [WLWRYX](#).

48. Kondrat'eva O.N., Kameneva V.A. Linguopolitical Personology (Metaphorical Perspective of Research). *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, 2020, no. 1. pp. 78–96. (In Russian). EDN: [IWRYDI](#). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-78-96.

49. Minemullina A.R. Adjectival Appraisal Vocabulary in the Title of the Journalistic Text. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2014, no. 4, pp. 160–166. (In Russian). EDN: [TFXQVP](#).

50. Zinkovskaja L.S. The Linguistic Representation of Enemy vs Defender Images in the Ukrainian Mass Media (on the Example of a Military Chronicle News of the "UNIAN" Agency). *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya = The Science of Person: Humanitarian Researches*, 2017, no. 3, pp. 77–82. (In Russian). EDN: [ZRBZJR](#). DOI: 10.17238/issn1998-5320.2017.29.77.

51. Jakel' A.O. Trolling Comment as a Tool for Forming the Attitude of the Audience of Social Networks to News. *Uchenye zapiski Huzhzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki = Scientific Notes of Khujand State University Named after Academician B. Gafurov. Series of Humanities Sciences*, 2019, no. 4, pp. 108–112. (In Russian). EDN: [HZHBZA](#).

52. Shomova S.A. "War of Memes": New Twists in the Information Confrontation. *Monitoring = Monitoring*, 2019, no. 5, pp. 250–269. (In Russian).

53. Isaev L.M., Ereemeeva K.S., Shishkina A.R. Framing the Syrian Conflict in the Russian Federal Media. *Politeia = Politeia*, 2021, no. 2, pp. 97–120. (In Russian).

54. Novgorodova A.I. Iraq Conflicts in Reflection of The New York Times (on the Example of Coverage of Two Operations (1991, 2003) in Persian Gulf). *Mediaskop = Mediascope*, 2020, no. 1. p. 4. (In Russian). EDN: [XXTZYS](#). DOI: 10.30547/mediascope.1.2020.4.

55. McQuail D. *Journalism and Society*. Moscow, MediaMir Publ., 2013. 368 p.

Информация об авторах

Вартанова Елена Леонидовна — академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, eva@smi.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7716-4383>.

Асланов Иван Александрович — кандидат филологических наук, научный сотрудник, кафедра социологии массовых коммуникаций, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, ivaslanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2105-8012>.

Гладкова Анна Александровна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, кафедра теории и экономики СМИ, руководитель отдела международного сотрудничества, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, gladkova_a@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7102-6425>.

Дунас Денис Владимирович — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, кафедра теории и экономики СМИ, факультет журналистики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, dunas.denis@smi.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8531-3908>.

Authors Information

Elena L. Vartanova — Academic of the Russian Academy of Education, D.Sc. in Philology, Full Professor, Dean of the Journalism Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, eva@smi.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7716-4383>.

Ivan A. Aslanov — PhD in Philology, Research Fellow, Department of Sociology and Mass Communications, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, ivaslanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2105-8012>.

Anna A. Gladkova — PhD in Philology, Leading Research Fellow, Department of Media Theory and Economics, Director of the Office of International Affairs, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, gladkova_a@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7102-6425>.

Denis V. Dunas — PhD in Philology, Leading Research Fellow, Department of Media Theory and Economics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, dunas.denis@smi.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8531-3908>.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Социальный конфликт в отечественных медиаисследованиях: эмпирический анализ дискурса научных журналов (2014–2021) / Е.Л. Вартанова, И.А. Асланов, А.А. Гладкова, Д.В. Дунас. — DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(3).429-452. — EDN [ENSMRM](#) // Вопросы теории и практики журналистики. — 2022. — Т. 11, № 3. — С. 429–452.

For Citation

Vartanova E.L., Aslanov I.A., Gladkova A.A., Dunas D.V. Social Conflict in Russian Media Studies: An Empirical Analysis of the Discourse of Academic Journals (2014–2021). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2022, vol. 11, no. 3, pp. 429–452. (In Russian). EDN: [ENSMRM](#). DOI: 10.17150/2308-6203.2022.11(3).429-452.